

Международно-правовая концепция «эффективного контроля» чужих территорий и уроки для Азербайджана и Украины

Аннотация: В сегодняшних условиях, когда аппетиты агрессора остаются неограниченными, но хочется казаться цивилизованным, возникают новые формы оккупации (гибридная оккупация), одна из которых получает определение «эффективного контроля». Эта концепция развивается в решениях Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ), а в дальнейшем – и в Резолюциях Парламентской ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ). Концепция исходит из того, что понятие территориальной юрисдикции тесно связано с возможностью государства осуществлять реальный контроль за данной территорией. Когда государство не осуществляет власти над частью своей территории, что может иметь место в результате вооруженной оккупации со стороны другого государства, которая контролирует данную территорию, ответственность за соблюдение прав человека на данной территории возлагается на такое контролирующее государство. Поскольку такая форма оккупации касается как Азербайджана, так и Украины, и это зафиксировано в правовых документах международных институций, целесообразно провести определенные параллели для извлечения необходимых уроков.

Ключевые слова: Европейская Конвенция о защите прав человека и основоположных свобод 1950 года (ЕКПЧ); Европейский Суд по правам человека (ЕСПЧ); Парламентская ассамблея Совета Европы (ПАСЕ); Заключительный акт Сопещения по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ); оккупация; юрисдикция; эффективный контроль.

♦Белкин Марк Леонидович – кандидат юридических наук, адвокат, директор адвокатского бюро Марка Белкина «Эталон» (г. Киев, Украина), e-mail: belkinmark@list.ru

В Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ) ключевой целью, которая обозначена первой в перечне целей, Стороны Акта назвали содействие улучшению отношений между ними и обеспечению условий, в которых их народы могут жить в условиях настоящего и прочного мира, будучи ограждены от любой угрозы или покушения на их безопасность (здесь и далее подчеркнуто автором). Среди основных принципов безопасности в Акте признаны: суверенное равенство; уважение прав, присущих суверенитету; неприменение силы или угрозы силой; нерушимость границ; территориальная целостность государств и некоторые другие. Отсюда следует, что угрозы применения силы или фактическое применение силы негативно влияют на обеспечение прав человека.

Согласно ст. 1 ЕКПЧ, Высокие Договаривающиеся Стороны обеспечивают каждому, находящемуся под их юрисдикцией, права и свободы, определенные в разделе I настоящей Конвенции.

Таким образом, ключевым в обязательствах Государств-участников Конвенции с точки зрения обеспечения прав человека является осуществление юрисдикции над соответствующими территориями. Однако в условиях «гибридной оккупации» страна-жертва не может фактически реализовывать свою юрисдикцию из-за противодействия фактического оккупанта, но, с другой стороны, придерживаясь тактики «нас там нет», страна-оккупант пытается избежать ответственности. Во избежание вакуума ответственности, международные юридические институты вынуждены вырабатывать новые подходы, согласно требованиям времени. Одним из таких подходов является международно-правовая концепция «эффективного контроля» чужих территорий. Отдельные вопросы этой проблемы рассмотрены в статьях [1; 2]. Однако в связи с относительной новизной проблемы такие исследования должны быть продолжены.

Теоретической основой разработки таких подходов может быть тщательный анализ развиваемых, в первую очередь, генералитетом

Российской Федерации гибридных методов ведения войн. Такой анализ сделан, например, Академиком НАН Украины В.П. Горбулиным [3]. По его мнению, «гибридный оккупант» ставит цель достижения политических целей с минимальным вооруженным воздействием на противника. Выделяются три группы современных способов ведения агрессивных войн:

1. Традиционные военные средства (использование регулярных воинских подразделений и вооружений, а также сил специальных операций).

2. Квазимилитарная деятельность (создание и поддержка незаконных вооруженных формирований, поддержка и радикализация сепаратистских движений, формальные и неформальные частные военные компании).

3. Операции немилитарного влияния, прежде всего способом специальных информационных операций и «активных мероприятий» (в том числе экономическое давление, операции в киберпространстве, дипломатия, манипуляции информационным пространством).

Таким образом, в современных условиях не только прямая военная оккупация становится способом ограничения суверенитета жертвы агрессии.

В преамбуле Всеобщей декларации прав человека (ООН, 10.12.1948 г.) [4] указано, что все Государства должны стремиться к обеспечению прав человека – как среди народов государств – членов ООН, так и среди народов территорий, находящихся под их юрисдикцией.

В п. 1 ст. 2 Международного пакта о гражданских и политических правах (ООН, 16.12.1966 г.) [5] указывается, что каждое участвующее в настоящем Пакте Государство обязуется уважать и обеспечивать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам права, признаваемые в настоящем Пакте.

Приведенные формулировки свидетельствуют о том, что обязательство обеспечивать права в пределах юрисдикции не тождественно такому же обеспечению в пределах территории, – первое может быть шире второго, а возможность – соответственно уже.

Концепцию «плавающей» юрисдикции, которая изменяется вследствие военных действий, ЕСПЧ начал развивать в Постановлении от 23.03.1995 г. по делу «Лоизиду (Loizidou) против Турции» (жалоба № 15318/89) [6]. Конкретно Постановление от 23.03.1995 г. было посвящено именно проблемам юрисдикции (позднее по этой жалобе было принято еще Постановление [7]). В частности в Постановлении [6] указано:

– в этом отношении Европейский суд напомнил, что хотя статья 1 Конвенции устанавливает границы Конвенции, понятие «юрисдикция» в соответствии с этим положением не ограничивается национальной территорией Высоких Договаривающихся Сторон... В частности, ответственность Договаривающихся Сторон может иметь место за действия их должностных лиц, совершенных в рамках или вне национальных границ, которые имели воздействие за пределами их собственной территории (см. Постановление Европейского суда по делу «Дрозд и Янусек против Франции и Испании» от 26.06.1992 г.). С учетом предмета и цели Конвенции ответственность Договаривающейся Стороны также может возникнуть, явившись результатом военного действия – законного или незаконного, таким образом, при обеспечении эффективного контроля за пространством, находящимся за пределами ее национальной территории. В этой области обязательство по защите прав и свобод, закрепленных в Конвенции, устанавливается наличием факта этого контроля, осуществляемого напрямую через вооруженные силы или подчиненную местную администрацию (п. 62);

– в этом отношении государство-ответчик признало, что утрата заявителем ее собственности возникла в результате оккупации северной части Кипра турецкими войсками и установление там «Турецкой Республики Северный Кипр». Более того, не оспаривался тот факт, что заявитель была лишена доступа к своей собственности из-за присутствия турецких Вооруженных Сил. (п. 63);

– следовательно, эти действия относятся к «юрисдикции» Турции по смыслу статьи 1 Конвенции. Вопрос относительно того, может ли предмет

жалобы быть поставлен в вину властям Турции и послужить основанием для установления ответственности государства, должен быть решен Европейским судом на стадии рассмотрения дела по существу (п. 64).

При рассмотрении ЕСПЧ жалобы № 48787/99 заявителей в деле «Илашку и другие против Молдовы и России» относительно нарушений прав человека в Приднестровье, «гибридный оккупант» Российская Федерация вела себя по типичному принципу «нас там нет», который затем широко использовала в ситуациях в Крыму и в Донбассе (Восточная Украина). Так, в п. 305 решения по данному делу [8] зафиксировано, что Российская Федерация указала, что Молдавское правительство – единственное легитимное правительство Молдовы. Приднестровская территория должна рассматриваться как неотъемлемая часть Молдовы, и только Молдова несет ответственность за действия, совершенные на этой территории».

Вопреки этой позиции ЕСПЧ указал:

– статья 1 Конвенции предусматривает: «Высокие договаривающиеся стороны обеспечивают каждому, находящемуся под их юрисдикцией права и свободы, установленные в разделе 1 Конвенции». Из статьи 1 Конвенции следует, что государства-участники должны нести ответственность за любые нарушения прав и свобод в отношении индивидов, находящихся под их юрисдикцией. Юрисдикция – необходимое условие для договаривающихся государств для того, чтобы нести ответственность за действия или бездействия, приведшие к нарушению прав, установленных Конвенцией. Суд ссылается на свое прецедентное право в обоснование того, что представляет собой «юрисдикция» в смысле статьи 1 Конвенции – в международно-правовом значении термина. Стандартное международно-правовое значение термина «в рамках юрисдикции» связывается с территорией государства, однако также юрисдикция может осуществляться и за рамками территории государства. Исключения составляют случаи, когда государство не осуществляет власти над частью своей территории, что может иметь место в

результате вооруженной оккупации со стороны другого государства, которое контролирует данную территорию (п.п. 310-312 Решения).

– для того, чтобы выяснить, имеет ли место такое исключительное положение, Суд должен, с одной стороны исследовать все факты, связанные с ограничением возможности государства осуществлять власть на этой территории и с другой стороны поведение самого государства. Суд признал, что в исключительных обстоятельствах действия, совершенные государством за пределами его территории, могут подпадать под его юрисдикцию в смысле статьи 1. В соответствии с принципами международного права, ответственность государства может иметь место за действия военного характера – и правомерных, и неправомерных, – если на практике государство осуществляет эффективный контроль на территории за пределами национальной территории. Обязательство обеспечивать права и свободы человека на этой территории, вытекает из самого факта такого контроля из-за нахождения вооруженных сил на этой территории или органов управления. Когда государство осуществляет контроль за пределами своей национальной территории, его ответственность не ограничивается действиями солдат и офицеров, но также связана с действиями местной администрации... Государство также может нести ответственность даже если его агенты действуют в противоречие с его инструкциями. Согласно Конвенции, власти Высоких договаривающихся сторон строго ответственны за любое поведение своих подчиненных, они обязаны следить за тем, как выполняются их поручения и не могут ссылаться на неспособность гарантировать их выполнение (п.п. 313, 314, 316, 319 Решения);

– Суд отмечает, что Молдова не осуществляла контроля над частью своей национальной территории, в частности, регионом Приднестровья. В настоящем деле Суд отмечает, что с момента провозглашения суверенитета Парламентом 23.06.1990 г., Молдова была охвачена сепаратистским движением в Приднестровье. Движение усилилось в декабре 1991 г. при организации местных выборов, которые были признаны незаконными

Молдавскими властями. В конце 1991 г. развязалась гражданская война между властями Молдовы и приднестровскими сепаратистами, которых поддерживали по крайней мере часть служащих 14 армии. В марте 1992 г. было объявлено чрезвычайное положение. На основе всех материалов, имеющихся в его распоряжении, Суд считает, что Молдавское правительство, единственное легитимное правительство Республики Молдова по международному праву, не осуществляло власти на части своей территории, которая находилась под контролем республики Приднестровья (п.п. 323, 325, 330 Решения);

– Суд считает, что когда государство не может обеспечить действие своей власти на части своей территории согласно фактической ситуации (например, сепаратистский режим, военная оккупация), государство не перестает нести ответственность и осуществлять юрисдикцию. Оно должно всеми доступными дипломатическими и правовыми средствами с привлечением иностранных государств и международных организаций продолжать гарантировать права и свободы, предусмотренные Конвенцией. С точки зрения Суда, у Молдовы было мало шансов установить контроль над Приднестровьем, учитывая то, что режим поддерживался Российской Федерацией экономически, политически и военными средствами (п.п. 333, 341 Решения);

– в ходе столкновений между молдавскими властями и приднестровскими сепаратистами лидеры Российской Федерации поддерживали сепаратистов своими политическими заявлениями. Россия подготовила основные положения соглашения о прекращении огня и более того, подписала их как сторона (соглашение 21.07.1992 г.). В свете всех этих обстоятельств Суд считает, что ответственность Российской Федерации наступает в связи с незаконными действиями приднестровских сепаратистов, учитывая поддержку этих действий со стороны России. Таким образом, Российская Федерация внесла свой вклад в утверждение сепаратистского режима в Приднестровье, части территории Молдовы, поддерживая его

политическими и военными средствами. Суд отмечает, что даже после подписания соглашения от 21.07.1992 г. Российская Федерация продолжила обеспечивать военную, политическую и экономическую поддержку сепаратистского режима. Суд считает, что заявители попадали под юрисдикцию Российской Федерации в свете статьи 1 Конвенции (п.п. 381, 382 384 Решения).

Указанные правовые позиции были положены в основу Постановления ЕСПЧ от 16.06.2015 г. по делу «Чирагов и другие против Армении» (жалоба № 13216/05) [9]. В Постановлении, в частности, сказано:

– статья 42 Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны (далее – Гаагская конвенция 1907 г.) определяет военную оккупацию следующим образом: «Территория признается занятой, если она, действительно, находится во власти неприятельской армии. Занятие распространяется лишь на те области, где эта власть установлена и в состоянии проявлять свою деятельность». Соответственно, оккупация в значении Гаагской конвенции 1907 г. существует, когда государство действительно осуществляет власть над территорией или частью территории неприятельского государства. Требование о действительной власти широко признается синонимом эффективного контроля (п. 96 Постановления);

– соответственно, удивительно отметить заявления представителей Республики Армения, которые, по-видимому, идут вразрез с официальной позицией, о том, что Вооруженные силы Армении не размещены в «НКР» или на прилегающих территориях. Уже упоминалось заявление бывшего министра обороны Манукяна (который признал, что публичные заверения, будто армия Армении не принимала участия в военных действиях, предназначались исключительно для зарубежной аудитории: «Будьте уверены, что какие бы политические заявления мы ни делали, карабахская и армянская армии вели совместные боевые действия. Я не придавал значения тому, откуда мои солдаты – из Карабаха или Армении», п. 62 Постановления). Еще большее значение имеет речь, произнесенная

действующим Президентом Армении Сержем Саргсяном перед руководителями Министерства обороны в январе 2013 г., в которой он провозгласил, что цель внешней политики Армении заключается в том, чтобы добиться правового признания победы, которой добилась «наша армия» в Нагорно-Карабахской войне (п. 72 Постановления). Следует также отметить, что власти Армении в настоящем деле признали со ссылкой на соглашение о военном сотрудничестве 1994 года, что Вооруженные силы Армении и силы обороны «НКР» сотрудничают в оборонительном союзе (п. 178 Постановления);

– Европейскому Суду не требуется разрешать этот вопрос (*о количестве солдат из Армении* – примечание автора), поскольку на основании многочисленных докладов и заявлений, изложенных выше, он находит установленным, что Республика Армения в результате своего военного присутствия и предоставления военного оборудования и специальных знаний была существенно вовлечена в Нагорно-Карабахский конфликт с раннего периода. Эта военная поддержка имела и имеет решающее значение для завоевания и продолжения контроля над данными территориями, и имеющаяся информация, в том числе не в последнюю очередь соглашение о военном сотрудничестве 1994 года, убедительно доказывает, что Вооруженные силы Армении и «НКР» в высокой степени интегрированы (п. 180 Постановления);

– власти Армении утверждали, что «НКР» имеет собственное законодательство и свои независимые политические и судебные органы. Однако ее политическая зависимость от Армении очевидна не только из упомянутого взаимообмена видными политиками, но также из того факта, что ее жители получают паспорта Армении для поездок за границу, поскольку «НКР» не признана ни одним государством или международной организацией (см. п. 83 Постановления). В отношении законодательства и судебной власти имеются дополнительные данные об интеграции. Власти Армении признали, что несколько законов «НКР» заимствованы из

законодательства Армении. Факты рассмотренного Европейским Судом дела «Залян, Саргсян и Серобян против Армении» (п. 76) показывают не только присутствие армянских войск в Нагорном Карабахе, но и деятельность агентов правоохранительных органов Армении и осуществление юрисдикции судов Армении на этой территории. Дело Григоряна (п. 77) содержит сходное указание (п. 182 Постановления);

– наконец, финансовая поддержка, оказанная «НКР» Арменией или через нее, является существенной. ICG сообщала, что в 2005 году бюджет «НКР» только на 26,7 % покрывался собранными на месте доходами. «Межгосударственный кредит» Армении обеспечивал «НКР» значительные денежные суммы, в 2004 и 2005 годах в общей сложности 51.000.000 долларов США. Согласно ICG, ссылавшейся на официальные источники, кредит составлял 67,3 % бюджета «НКР» в 2001 году и 56,9 % в 2004 году. Хотя он действовал с 1993 года, на 2005 год кредит еще не погашался (п.п. 80, 81 Постановления) (п. 183 Постановления);

– все вышеизложенное свидетельствует, что Республика Армения с первых дней Нагорно-Карабахского конфликта имела значительное и решающее влияние на «НКР», что два субъекта в высокой степени интегрированы почти во всех важных аспектах и что эта ситуация сохраняется по сей день. Другими словами, «НКР» и ее администрация существуют за счет военной, политической, финансовой и иной поддержки, оказываемой ей Арменией, которая, следовательно, осуществляет эффективный контроль над Нагорным Карабахом и прилегающими территориями, включая Лачинский район. Таким образом, обжалуемые вопросы относятся к юрисдикции Армении для целей статьи 1 Конвенции. Соответственно, возражение властей Армении по поводу юрисдикции Республики Армения над Нагорным Карабахом и прилегающими территориями должно быть отклонено (п.п. 186, 187 Постановления).

Таким образом, ЕСПЧ фактически признал оккупацию Арменией части территории Азербайджана («НКР») и, соответственно, ответственность Армении за соблюдение прав человека на указанной территории.

С момента российской агрессии против Украины в Крыму и на Донбассе Украина оказалась в аналогичном положении. Так, в Резолюции Парламентской ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ) от 12.10.2016 г. зафиксированы важные положения, в частности: ПАСЕ подтверждает свою позицию относительно того, что аннексия Крыма Российской Федерацией (РФ) и военная интервенция войск РФ в Восточную Украину нарушают международное право и принципы, поддержанные Советом Европы (СЕ), о чем говорится в резолюциях Ассамблеи 2112 (2016); 2063 (2015); 1990 (2014); 1988 (2014) (п. 2); «ДНР» и «ЛНР», созданные при поддержке и под контролем РФ, не имеют какой-либо легитимности в соответствии с украинским или международным правом (п. 3); подтверждается хорошо задокументированная роль российских военных во взятии под контроль и контроле этих регионов, несмотря на решительное сопротивление законной власти Украины, и на полной зависимости «ДНР» и «ЛНР» от РФ в материально-техническом, финансовом и административном отношении (п. 5); жертвы нарушений прав человека не имеют эффективных внутренних средств правовой защиты в своем распоряжении, в частности, местные «суды» в «ДНР» и «ЛНР» не имеют легитимности, независимости и профессионализма; украинские суды в соседних районах, контролируемых правительством, имеющие юрисдикцию, распространяющуюся на неконтролируемые области, труднодоступны, не могут получить доступа к документам в «ДНР» и «ЛНР» и не могут обеспечить исполнения своих решений на этих территориях (п. 7) (цитируется по источнику [10]). В связи с этим, ПАСЕ призвала:

1. Соответствующие органы, как Украины, так и в Российской Федерации:

- 1.1. Эффективно расследовать все случаи серьезных нарушений прав

человека, предположительно совершенных во всех районах, находящихся под их эффективным контролем.

1.2. Привлечь лиц, виновных в этих нарушениях, к ответственности, тем самым препятствуя любым другим подобным нарушениям в будущем.

1.3. Предоставить максимально возможную компенсацию жертвам этих нарушений...

2. Российскую власть:

2.1. Прекратить свои репрессивные действия, направленные против лиц, лояльных к украинской власти, во всех районах, находящихся под их эффективным контролем, в том числе в Крыму; в частности, восстановить исторические права крымских татар и содействовать восстановлению верховенства права на всей территории восточной Украины.

2.2. В то же время обеспечить защиту основополагающих прав населения территорий под контролем «ДНР» и «ЛНР» и удовлетворение их основных потребностей и использовать свое влияние де-факто с этой целью.

2.3. Способствовать независимому мониторингу ситуации в сфере прав человека на всех украинских территориях, находящихся под их эффективным контролем, в том числе в Крыму...

3. Украинскую власть:

3.1. Упростить, насколько это возможно, повседневную жизнь жителей неподконтрольных территорий и перемещенных лиц из этих районов за счет сокращения административных процедур в отношении доступа к выплате пенсий и социальной помощи и содействия доступа жителей к правосудию путем надлежащего оснащения и кадрового обеспечения судов в районах, подконтрольных правительству, чья юрисдикция была распространена на неподконтрольные территории; регулярно пересматривать и взвешивать решение Украины об отклонении от выполнения Международной конвенции по гражданским и политическим правам, а также Европейской конвенции по правам человека, исходя из принципов необходимости, пропорциональности и недискриминации.

4. Международное сообщество: продолжать уделять внимание ситуации, связанной с соблюдением прав человека и гуманитарным положением лиц, проживающих на территориях, не подконтрольных украинской власти, и воздерживаться от выдвижения требований к Украине, выполнение которых будет укреплять незаконный статус-кво.

5. Международный Уголовный Суд: осуществить свою юрисдикцию в той мере, которая является юридически возможной, исходя из деклараций Украины.

Таким образом, хотя приведенные формулировки внешне благосклонны к жертвам агрессии, от жертв все равно требуется надлежащим образом документировать все нарушения соответствующих международных актов со стороны агрессора, а также обеспечивать надлежащее законодательное регулирование. Так, парламент Украины – Верховная Рада Украины – принял Постановление от 17.03.2015 г. № 254-VIII «О признании отдельных районов, городов, поселков и сел Донецкой и Луганской областей временно оккупированными территориями» [11], хотя на самом деле более весомым актом было бы признание такого статуса данных территорий законом. В Отчете Международного уголовного суда от 14.11.2016 г. о действиях по предварительному расследованию (2016) [12] в части раздела «Украина», подраздел «Восточная Украина», авторы пытаются провести принцип равной ответственности, используя формулировки: «обе стороны использовали оружие и ресурсы вооруженных сил, включая использование самолетов и вертолетов правительством Украины» (п. 168); «получены сообщения о других инцидентах, включая предположительные убийства или ранения мирных жителей огнестрельным оружием, приписываемые как военным силам, поддерживающим правительство, так и вооруженным группировкам» (п. 178); «сообщается, что в рамках конфликта обеими сторонами по отношению к сотням предполагаемых жертв применялись пытки или жестокое обращение...» (п. 182) и др. В п. 179 указывается, что «имело место ненадлежащее использование гражданских

объектов, включая школы, в военных целях», при этом стыдливо умалчивается, что такое «использование» имеет место со стороны российско-террористических вооруженных сил. Как правильно отмечается в статье [13], такой подход «равной ответственности» к агрессору и жертве не может быть признан оправданным. Например, украинский писатель Я. Валетов пишет, что «каждый погибший на Донбассе, с любой из сторон, на совести тех, кто развязал эту войну... Не наши солдаты на чужой территории. Не наше оружие потоком идет через границу. Не мы подкармливаем сепаратистов. Не мы аннексировали часть территории соседней страны... Не приди эти мерзавцы на нашу землю, и не было бы ни разрушенных городов, ни могил, ни войны... Не было бы их вторжения, их вмешательства, их подпитки для сепарской нечисти и ничего этого не было. Страна бы давно жила нормально» [14].

С юридической точки зрения, согласно ст. 2 Резолюции 3314 (XXIX) Генеральной Ассамблеи ООН от 14.12.1974 г., применение вооруженной силы государством первым в нарушение Устава является *prima facie* свидетельством акта агрессии [15]. Согласно ст. 51 Устава ООН [16], настоящий Устав ни в коей мере не затрагивает неотъемлемого права на индивидуальную или коллективную самооборону, если произойдет вооруженное нападение на Члена Организации, до тех пор, пока Совет Безопасности не примет мер, необходимых для поддержания международного мира и безопасности.

На практике ни по отношению к Азербайджану, ни по отношению к Украине никаких действенных мер защиты, кроме озабоченности, не было принято, хотя, в частности, Украине в свое время были даны определенные гарантии согласно Будапештскому Меморандуму. Поэтому страны – жертвы агрессии, учитывая уже имеющиеся международные акты, должны в полной мере использовать весь набор политических, дипломатических, юридических мероприятий для защиты своей национальной безопасности и территориальной целостности.

Бібліографія

1. Белкін Л. Проблеми соціальних виплат на Донбасі у контексті рішення Європейського Суду з прав людини./ Юридична газета. 09.12.2014 р. № 42-43 (436-437). С. 36-37.

2. Белкін Л.М. Проблеми державної юрисдикції у контексті забезпечення прав громадян / Юридична наука і практика: виклики часу : Матеріали V Міжнародної науково-практичної конференції. Т. 1, м. Київ, Національний авіаційний університет, 12.03.2015 р. С. 127-129.

3. Горбулін В. Гібридна війна: все тільки починається... [Електронний ресурс]. Режим доступа : <http://gazeta.dt.ua/internal/gibridna-viyna-vse-tilki-rochinayetsya-.html>

4. Всеобщая декларация прав человека: Принята и провозглашена в резолюции 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10.12.1948 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/995_015

5. Международный пакт о гражданских и политических правах : Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16.12.1966 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol

6. Лоизиду (Loizidou) против Турции: Решение ЕСПЧ от 23.03.1995 г. (жалоба № 15318/89) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://docs.pravo.ru/document/view/19382449/>

7. Лоизиду (Loizidou) против Турции: Решение ЕСПЧ от 18.12.1996 г. (жалоба № 15318/89) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://europeancourt.ru/resheniya-evropejskogo-suda-na-russkom-yazyke/loizidu-protiv-turcii-postanovlenie-evropejskogo-suda/>

8. Илашку и другие против Молдовы и России: Решение ЕСПЧ от 08.07.2004 г. (жалоба № 48787/99) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://sutyajnik.ru/rus/echr/judgments/ilascu_rus.htm

9. Чирагов и другие против Армении: Постановление ЕСПЧ от 16.06.2015 г. (жалоба № 13216/05). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://zakoniros.ru/?p=22677>

10. Историческая резолюция ПАСЕ по России: полный текст / Информационное агентство ЛІГА Бізнес Інформ. – 13.10.2016 г. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://news.liga.net/news/politics/13142341-istoricheskaya_rezolyutsiya_pase_po_rossii_polnyu_tekst.htm

11. Про визнання окремих районів, міст, селищ і сіл Донецької та Луганської областей тимчасово окупованими територіями: Постанова Верховної Ради України, від 17.03.2015 г. № 254-VIII [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/254-VIII>

12. Отчет о действиях по предварительному расследованию (2016 г.): International Criminal Court [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.icc-cpi.int/iccdocs/otp/161114-otp-rep-PE-Ukraine.pdf>

13. Белкін Л. Нерівні, або чому принцип рівної відповідальності України та Росії за війну на Донбасі є неприпустимим // Юридична газета. 13.12.2016 р. № 49-50 (547-548). С. 32-33.

14. Валетов Я. Для них не существует Украины // Обозреватель [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.obozrevatel.com/blogs/02849-dlya-nih-ne-suschestvuet-ukrainyi.htm>

15. Определение агрессии: Утверждено Резолюцией 3314 (XXIX) Генеральной Ассамблеи ООН от 14.12.1974 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/aggression

16. Устав Организации Объединённых Наций и Устав Международного Суда [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/995_010